

К. Хачатурян

КОНЦЕРТ, состоявшийся недавно в Большом зале Московской консерватории, принес слушателям радость встречи с новым талантливым произведением советской музыки — Симфонией Карэна Хачатуряна.

Оговоримся сразу: симфония эта лишь условно может быть названа новинкой: она прозвучала впервые восемь лет тому назад. Но слушается порою, что первое знакомство не создает правильного, исчерпывающего представления, сочинение исчезает с эстрады, и только инициатива чуткого, пытливого исполнителя помогает вернуть его к жизни. И тогда кажется несколько странным, почему явные его достоинства не были раньше замечены. Невольно возникает мысль: достаточно ли мы внимательны

МУЗЫКА

З В У Ч И Т В Н О В Ь

к своему творческому «хозяйству», нет ли в багаже советских композиторов и других не заслуженно забытых сочинений? Наверное, есть!

Заслуга возрождения Симфонии К. Хачатуряна (в новой авторской редакции) принадлежит Геннадию Рождественскому. Искренность и чистота чувства, светлый, юношески жизнерадостный и уверенный взгляд на мир — вот то главное, что увидел в этом сочинении и с подкупающей убедительностью сумел передать дирижер. Как опытный и вдумчивый рассказчик, он ведет слушателя от одной главы повествования к другой, развертывая разные по характеру картины и события.

Неторопливо и сосре-

доточенно начинается первая часть Симфонии, настраивающая на углубленное размышление. Но в эту сурово возвышенную атмосферу, словно пробуждая от раздумья, врывается активная, беспокойная главная тема. За ней следует новая — повосточному узорчатая, нежная и поэтическая, принося с собой отдых и успокоение. И опять нарастает энергия, на этот раз приводя к могучему драматическому подъему.

Трагедийная коллизия? Нет, собственно трагического элемента эта симфония не содержит, ее общий тонус ясен и оптимистичен. Она строится на контрастных противопоставлениях и чередованиях образов светлой, мечта-

тельной лирики и мужественного порыва, мягкого юмора и суровой, организующей воли. Две средние части составляют некое жанровое «интермеццо». Вторая — акварельно-тонкое, изящное скерцо: полунасмешливо, полупечально напоминающая о некоторых лирико-юмористических страницах музыки Шостаковича, выпевая у своего соло голоса оркестра, прозрачно стелется музыкальная ткань, прихотливо вьется танцевальный ритм. Третья часть — вся, как песня, ласковый лирический романс без слов, с гибкой и плавной мелодией, парящей над аккомпанементом.

Отзвучала эта тихая песня — и вдруг бурной лавиной хлынула воз-

бужденная, динамичная вступительная часть финала, за которой вздымается стройное и монументальное здание — заключительная fuga.

Партитура Симфонии говорит о зрелом мастерстве ее автора. Нет кричащих эффектов, и вместе с тем обилие интересных колористических деталей, свежих тембровых и гармонических сочетаний. Исполнители — Большой симфонический оркестр Всесоюзного радио и телевидения — несомненно имели перед собой благодатный материал, и они использовали его блестяще.

Во втором отделении оркестр чутко аккомпанировал Анатолию Ведерникову, который исполнил Третий фортепьянный концерт Бет-

ховена. Он сыграл его «крупно», в мужественной, строгой манере и вместе с тем приподнято, свободно, раскованно.

Один из самых интересных, серьезных, ищущих наших пианистов, Ведерников бывал иногда, может быть, слишком сдержанным на эстраде. В последнее время его искусство все больше «теплеет». Исполнение Третьего фортепьянного концерта Бетховена в этом отношении было особенно замечательным.

В заключение Большой симфонический оркестр и дирижер Геннадий Рождественский сыграли «Пинии Рима» Респиги, и слушатели еще раз могли оценить высокое мастерство коллектива.

М. САВИНИНА,
кандидат искусствоведения.

ем — К 4-83-52; Внутренней информации — доб. 2-20
— К 4-71-83; Школ и вузов — В 3-69-03; Литературы
ат — К 4-77-96; Иллюстраций — К 5-36-53; Коррес-
об. 4-37.

«ИЗВЕСТИЯ»
г. МОСКВА

2 ДЕК 1963